

УДК 821.161.1 (1–87) – 398.2

РАССКАЗ П.П. МУРАТОВА «ВОЙНА ПТИЦ» (подготовка текста, вступительная заметка)

Татьяна Николаевна Фоминых

д. филол.н., профессор кафедры новейшей русской литературы

Пермский государственный педагогический университет

614990, Пермь, ул. Сибирская, 24. natatata72@yandex. ru

Рассказ П.П.Муратова «Война птиц» (1923) публикуется впервые. Историко-литературное значение данного рассказа раскрывается через соотнесение его с авторской эссеистикой («Предвидения», 1922; «Антиискусство», 1924; «Искусство и народ», 1924). Отмеченные параллели позволяют рассматривать «Войну птиц» в русле культурфилософских представлений автора, связанных с судьбами постевропейского человечества. Подчеркиваются также концептуальные переключки публикуемого произведения с рассказом «Ловля сирен» (1922), с романом «Эгерия» (1922). Делается вывод о том, что «Война птиц» – неоправданно забытое произведение, органически вписывающееся в творчество П.П. Муратова начала 1920-х гг.

Ключевые слова: П.П. Муратов; эссеистика; культурфилософия; «Война птиц»; рассказ; автограф.

В ряду художественных произведений П.П.Муратова (1881–1950) рассказы являются наиболее многочисленными. Они печатались в периодике конца 1910 – начала 1920-х гг. и в составе сборников П.П.Муратова «Герои и героини» (М., 1918; Париж, 1929), «Магические рассказы» (М., 1922; Париж 1928), «Три рассказа» (М.; Берлин, 1922). Среди них имеются и такие, которые при жизни автора не публиковались. Рассказ «Война птиц» относится к их числу.

Рассказ «Война птиц» датирован автором 25 января 1923 г. Автограф данного рассказа хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) в фонде писателя Виктора Яковлевича Ирецкого (наст. фам. Гликман; 1882–1936). В.Я.Ирецкий и П.П.Муратов были знакомы лично. В 1922 г. оба оказались в столице Германии, сотрудничали в одних и тех же периодических изданиях, входили в одни и те же литературные объединения, например, оба являлись основателями еженедельно собиравшегося «Клуба писателей» в Берлине, на одном из заседаний которого П.П.Муратов читал свои «Магические рассказы» [Лит. энциклопедия русского зарубежья 2000: 203–204]. О личном знакомстве В.Я.Ирецкого и П.П.Муратова свидетельствует также тот факт, что их фамилии нередко соседствуют в «Камер-фурьерском журнале» В.Ф.Ходасевича. Ср., например, запись, относящуюся к 9 мая 1923 г.: «Веч. Клуб писателей

(Рассказ Вышеславцева. Вышесл., Гуковский, Муратов, Ирецкий...)» [Переписка В.Ф.Ходасевича с А.В.Бахрахом 1993: 175].

Помимо «Войны птиц» в фонде В.Я.Ирецкого имеются автографы четырех других рассказов писателя. Три из них («Мери»¹, «Император», «Кирх первый и Кирх второй») вошли во второе издание «Магических рассказов» (Париж, 1928). Рассказ «Ловля сирен» напечатан спустя 75 лет в «Независимой газете» (1997), рассказ «Война птиц» в печати так и не появился. «Ловлю сирен» Муратов пытался напечатать², предпринимал ли он (или В.Я.Ирецкий) попытки опубликовать «Войну птиц», предположить трудно.

В заметке С.Шумихина, предваряющей публикацию «Ловли сирен» в «Независимой газете», об имеющихся в фонде В.Я.Ирецкого других рассказах П.П.Муратова ничего не говорится. Однако можно предположить, что у «Войны птиц» была та же судьба, что и у «Ловли сирен»: сначала рукопись хранилась в бумагах В.Я.Ирецкого, с 1936 г. – в Русском заграничном историческом архиве, после передачи собрания РЗИА СССР (1946) – в «спехране» ГАРФ [Шумихин 1997: 8].

С «Ловлей сирен» «Войну птиц» сближает не только судьба, но и проблематика, непосредственно связанная с авторской культурфилософией, выраженной в статьях «Предвидения» (1922), «Антиискусство» (1924), «Искусство и

народ» (1924). Концепцию обоих рассказов определили представления об «органическом», «пейзажном», «природном» – человеке, противостоящем человеку – постевропейскому, «неорганическому», «непейзажному», «неприродному». Существенной для понимания рассматриваемых произведений является мысль о том, что современный человек, *форсируя* силы природы, становится нарушителем естественного порядка вещей. Он слишком самонадеянно считает себя «покорителем природы и господином мира»: в действительности он всего лишь заложник неподвластных ему механических энергий, раб того джина, которого сам же выпустил из бутылки. Указанный комплекс представлений был положен в основу и «Ловли сирен», и «Войны птиц» (см. об этом подробнее: [Фоминых 2010: 66–71; Фоминых, Баженова 2009: 51–59]).

Как и в «Ловле сирен», в «Войне птиц» покорителей природы ждет возмездие за стремление проникнуть в ее тайны. Герои данного произведения живут среди туземцев. С целью совершить «великие открытия» они отправляются в земли, куда еще не ступала нога белого человека. Нарушив покой обитателей этих земель – огромных птиц, один вид которых внушал ужас, герои становятся их потенциальной добычей. Из птичьего плена несчастных спасает только случай: в тот момент, когда они уже попрощались с жизнью, хлынул ливень, заставивший птиц испугаться воды и отступить. Финал истории подтверждал справедливость слов героя, от лица которого ведется повествование: «Господь милостлив к матросам и пьяницам» [РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Ед. хр. 248. Л. 45]. Жестоко наказан был только Дженкинс, тот, кто затеял этот поход ради того, чтобы не только увидеть допотопных птиц, но и «раздобыть одну из них живой или мертвой». Именно он решается на отчаянную вылазку, которая и оказывается для него роковой: «Я видел, как раскрывшийся клюв схватил Дженкинса выше локтя. Было уже поздно броситься ему на помощь. Когтистая лапа со страшной силой ударила его в грудь» [там же. Л. 44]. Он натуралист, его любопытство носит естествоиспытательский характер. И гибнет он согласно той же логике, что и натуралист из рассказа «Ловля сирен», в то время как «дети природы» («матросы и пьяницы»), отделившись испугом, остаются целы. Отмеченные культурфилософские подтексты делают очевидным историко-литературное значение публикуемого рассказа.

«Война птиц» – рассказ, характерный для Муратова-прозаика. Он невелик по объему, в основе его сюжета лежит необычайное происшествие. Как и в ряде других муратовских расска-

зов, время и место действия в «Войне птиц» лишены конкретики: события происходят «в наши дни» в одном из экзотических уголков земли. Рассказ ведется от лица участника событий, стремящегося убедить слушателей в подлинности его свидетельств. Фантастический («магический») элемент, являющийся неотъемлемой частью муратовской малой прозы, здесь связан с существованием таинственных доисторических птиц. «Мораль» «Войны птиц», которая сводится к излюбленной муратовской мысли о том, что человек – только марионетка в руках судьбы, не считающейся с его намерениями и волей, «подключает» данный рассказ к написанному годом ранее роману «Эгерия» (1922).

П.П.Муратов посвятил «Войну птиц» племяннику, сыну своего старшего брата Владимира Павловича Муратова (1868–1934) – Михаилу Владимировичу Муратову (1908–1982). В 1910-е гг. Павел Павлович подолгу жил у старшего брата в Москве. Как замечала Ксения Михайловна Муратова (дочь Михаила Владимировича и внучатая племянница Павла Павловича), братьев Муратовых связывали не только родственные узы, но и «духовная близость, глубокая привязанность и подлинная дружба... Их волновали одни и те же дела и проблемы, они одинаково любили искусство, философию, литературу, они поверяли друг другу свои личные переживания» [Муратова 2008б: 114]³.

Михаил Владимирович Муратов впоследствии стал известным советским геологом, членом-корреспондентом АН СССР (1962), лауреатом Государственных премий СССР (1951, 1969)⁴. В 1923 г. ему было 15 лет. Посвящая свой рассказ будущему геологу, П.П.Муратов «предостерегал» его об издержках профессии естествоиспытателя, к которой тот, вероятно, проявлял склонность, будучи еще подростком.

Рассказ «Война птиц» печатается по автографу, хранящемуся в РГАЛИ. Текст рассказа приведен в соответствие с нормами современной орфографии и пунктуации.

Примечания

¹ Рассказ «Мери» был напечатан сначала в журнале «Эпопея» (1923, № 4), затем во втором издании «Магических рассказов» (1928).

² Итальянская исследовательница П.Деотто указывала, что писателю «удалось опубликовать в берлинском альманахе "Кубок" рассказ *Ловля сирен* (курсив П.Деотто. – Т.Ф.), посвященный Б.К.Зайцеву» [Деотто 2003: 184]. В подтверждение П.Деотто ссылалась на открытку, отправленную из Рима 2 мая 1924 г. и адресованную Б.К.Зайцеву, в которой Муратов просил друга

«послать ему рассказ *Ловля сирен*, опубликованный в "Кубке", не объясняя причины» [там же: 184]. В том же выпуске «России и Италии», что и статья П.Деотто, увидели свет письма П.П.Муратова к В.А.Зайцевой и Б.К.Зайцеву. В открытке от 1 мая 1924 г., отправленной из Рима и адресованной Б.К.Зайцеву, Муратов писал: «Милый Боря! Мне очень нужен рассказ "Майский день" [нрзб]. Нет ли у тебя Кадашевского альманаха "Кубок", где он напечатан. Если есть, нельзя ли его "изъять" оттуда или перепечатать и переслать мне» [Письма П.П.Муратова В.А.Зайцевой и Б.К.Зайцеву 2003: 296]. Ни в одной из российских библиотек указанного альманаха обнаружить не удалось. Возможно, будучи анонсированным, он до печати так и не дошел. Вопрос, мог ли Муратов отправлять другу открытки с одной и той же просьбой два дня подряд, ища, судя по названиям («Ловля сирен», «Майский день»), разные произведения, остается открытым.

³Ксения Михайловна Павла Павловича никогда не видела, он «был в эмиграции, и о нем говорили только шепотом: иметь родственников за границей тогда было очень опасно», однако печать его «незримого присутствия» в доме своего детства она замечала абсолютно на всем: «Оно отражалось в книгах, картинах, разговорах, вещах, упоминаниях близких. "Это Патина книжка", "это Патя так положил", "это нужно было бы спросить у Пати", "этого Патя бы не одобрил", – только и слышала я» [Муратова 2008а: 106].

⁴В течение ряда лет Михаил Владимирович Муратов заведовал кафедрой в Московском геолого-разведочном институте им. С.Орджоникидзе, возглавлял Междудементальный тектонический комитет, являлся главным редактором журнала «Геотектоника». В памяти коллег и учеников он остался человеком, отличавшимся «большим обаянием и внутренним благородством, скромностью, сдержанностью и деликатностью, глубокой интеллигентностью, высокой внутренней и внешней культурой» [М.В.Муратов – ученый и педагог 2007: 6].

Список литературы

Деотто П. Изгнание и разочарование: отношение П.П.Муратова к Италии // Россия и Италия / Ин-т всеобщей истории. М.: Наука, 1995. Вып. 5: Русская эмиграция в Италии в XX веке / отв. ред. Н.П.Комолова. 2003. С.184

Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918–1940. Периодика и литературные центры. М.: РОССПЭН, 2000. С.203–204.

Муратов П.П. Война птиц // РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Ед. хр. 248. Л. 35–45.

Муратова К.М. Незримое присутствие // Возвращение Муратова. От «Образов Италии» до «Истории кавказских войн». По материалам выставки «Павел Муратов – человек Серебряного века» в ГМИИ им. А.С.Пушкина. М.: Индрик, 2008а. С.106–111.

Муратова К.М. Семейное окружение // Возвращение Муратова. От «Образов Италии» до «Истории кавказских войн». По материалам выставки «Павел Муратов – человек Серебряного века» в ГМИИ им. А.С. Пушкина. М.: Индрик, 2008б. С.112–114.

М.В.Муратов – ученый и педагог. К 100-летию со дня рождения. М.: ГЕОС, 2007.

Переписка В.Ф.Ходасевича с А.В.Бахрахом [1923–1931] / вступ. ст., публ. и примеч. Дж.Малмстада // Новое лит. обозрение. 1993. №2. С.170–205.

Письма П.П.Муратова В.А.Зайцевой и Б.К.Зайцеву // Россия и Италия / Ин-т всеобщей истории. М.: Наука, 1995. Вып. 5: Русская эмиграция в Италии в XX веке / отв. ред. Н.П.Комолова. 2003. С.296.

Фоминых Т.Н., Баженова Т.М. Миф в рассказе П.П.Муратова «Ловля сирен» // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2009. Вып. 6. С.51–59.

Фоминых Т.Н. Культурфилософские аспекты рассказа П.П.Муратова «Ловля сирен» // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С.Пушкина: науч. журн. 2010. № 2, т. 1. Филология. С.66–71.

Шумихин С. Рассказ, 75 лет ожидавший публикации // Независимая газ. 1997. 4 июня (№ 101). С.8.

Война птиц

М.В.Муратову

Все шло хорошо до самой болезни Дженкинса. Я прямо жалею, что он не умер тогда своей смертью: нам с Томом не пришлось бы теперь давать за него отчет. Я уже не раз объяснял все, как было с самого начала. Повторяю вам, Дженкинс убит, да, убит на войне, если вы не поверите, что он погиб на охоте, зная, что на острове никогда не водилось хищных зверей. Но сколько ни объясняй, всегда найдутся люди, которые будут уверять, будто мы опоили его до смерти и разделили потом его имущество!

Так вот как было дело. Нам жилось хорошо в деревне, пока был ром, который мы распивали с нашими дикими женами, горланя, кто как умел, старые корабельные песни. Ма-Ики приходил в мой шалаш каждое утро и садился на корточки, потирая живот. Он помнил все время, что привел нас сюда, и чувствовал себя гостеприимным хо-

зяином. Я начинал тогда уже понимать, что он бормочет, и, если был в духе, давал потянуть ему из бутылки два-три глотка. Умора была глядеть, как он приседал тогда и растирал от удовольствия свой живот.

Но вот однажды он вполз ко мне совсем невеселый. Присел на корточки, но вина не просил и все бормотал по-своему и голову клал на подставленную к щеке руку. Вы, может быть, тут не поняли бы ровно ничего, а я догадался сразу, что Дженкинс болен. Я решил забыть нашу ссору и пойти к нему на другой конец деревни. Шел я, помнится, быстро, невзирая на полдень, и Ма-Ики бежал вприпрыжку за моей коротенькой тенью.

Посмотрели бы вы тогда, какой бледный лежал Дженкинс на куче сухих листьев, натянув одеяло до самого носа! Он высвободил руку и протянул мне. «Благодарю, Фильп», – сказал он ослабевшим голосом. Я от смущения захохотал. Я мял в руках шапку и не знал, что сказать. Когда проплаваешь вместе четыре года, можно простить товарищу и гордость, и многое другое. А когда он лежит вот так с белым, без единой кровинки, лицом, можно позабыть и кровавую ссору. Я заметил у него в изголовье деревянную фигурку птицы, каких много было в деревне, в каждой хижине, так что мы звали, смеясь, наших туземцев поклонниками гусей. «Ну, от этого не встанешь на ноги, Дженкинс», – сказал я, ткнув в нее пальцем.

Дженкинс нимало удивил меня в тот день. Он объявил мне, что велел Ма-Ики позвать к нему колдуна. Я знал, что он всегда придавал больше значения, чем нужно, всяким бредням. Вы поразились бы, если бы знали, сколько провел он времени, расспрашивая темнокожих об их обычаях, об их добрых и злых богах. Я желал бы тогда для него другого доктора, но что прикажешь делать за тысячи миль от всякого порядочного жилья? Чем можешь товарищу, когда нет другого лекарства, кроме глотка рома, и нет ничего, кроме рук да ножа, чтобы выкопать ему могилу? Я только пожал плечами.

Но я был там, когда явился колдун, и, как вы увидите, с этого все началось. Ма-Ики впустил его, а привел его мальчик под зонтиком. Без посторонней помощи, я думаю, он не мог бы прийти, потому что весь с головой был покрыт мантией из разноцветных сухих стеблей и листьев. Признаюсь, мне стало немного не по себе, когда он скинул свое покрывало. Мы увидели маску, сделанную как голова птицы с прорезанными круглыми глазами и торчащим вперед длинным клювом. Я даже плюнул в сторону, а Том, которого я насильно притащил с собой, перекрестил-

ся, точно ирландец, и крепко выругал этих гусепоклонников. Мальчик протянул больному питье в глиняной чашке, и, я думаю, в этом и было все дело, потому что туземцы, наверное, знали целебную силу своих трав. Колдун, между тем, вытащил из-под покрывала флейту и приложил ее ко рту, не закрытому птичьей маской. Мне казалось, что то была кость с проделанными в ней дырочками, вроде человеческой берцовой кости, а, может быть, больше нее. Что сделалось тут с Дженкинсом! Не допив свое питье, вскочил он и вырвал из рук колдуна кость, оглядел ее со всех сторон, отдал назад, а сам упал на свою подстилку, повернулся спиной и крикнул, что хочет спать. Колдун только и успел проиграть две или три ноты, Ма-Ики увел его с мальчиком. А мы с Томом не знали тогда, что подумать.

В тот вечер я сидел подле его изголовья и решил сперва, что он бредит. «Да нет, Фильп, – вдруг сказал он, – пойми, что я в здравом рассудке и не гляди на меня дикими глазами». Он даже сел на своей подстилке, зрачки у него блестящие, и говорил он слишком много. Но ведь таким мы и знали нашего Дженкинса. Бог дал ему горячую голову, а по образованию его, конечно, нельзя было с нами сравнить. Ну, кто из нас обратил бы внимание на этих вырезанных из дерева гусей и на эту птичью кость в руках колдуна? А, по его словам, выходило, что нам стоило только захотеть, чтобы совершить великие открытия. Он уже давно разуживал у дикарей все, что ему было нужно, и теперь положительно знал, так он и выразился, что огромные птицы еще существуют на свете. Я вспомнил кость и по ней вообразил себе гуся фунтов в десять ростом. Дженкинс называл этих птиц допотопными и убеждал, что на всей земле только на одном нашем острове остались такие создания. Послушать его, так мы обязаны были раздобыть одну из них живой или мертвой.

Теперь вы видите, к чему клонится дело. Сейчас мне кажется удивительным, как мы тогда согласились на это, но кто же из нас знал, что случится. Я охотник, Том – пьяница, уговорить нас было нетрудно. Ма-Ики пошел, разумеется, с нами, да еще привел с полдюжины своих, чтобы тащить на плечах челнок. Дженкинс все предусмотрел, он знал, что за теми низкими горами, куда боятся ходить туземцы, есть река, которую придется нам переплывать. Как это они увязались за нами тогда? Должно быть, то были самые смельчаки из деревни, да и нас считали они почти за богов из-за наших ружей.

Мы выступили через пять дней после того разговора, как только Дженкинс выздоровел. Колдун вылечил его, но будь проклят этот кол-

дун со своей птичьей маской и султаном из птичьей кости! Мы перешли низкие горы без всяких особенных приключений. Я охотился на мелкую дичь, Дженкинс выбирал путь, а Том уже стал скучать и жалеть своих темнокожих женщин. В три дня добрались мы до воды по ту сторону низких гор, но то была не река, а длинное озеро, Дженкинс, видно, не совсем понимал дикарей. Здесь объявили они нам, что не пойдут дальше. Ма-Ики показывал пальцем на круглые холмы по ту сторону озера и объяснял, что ту землю не дали боги его отцам, предпочитая, должно быть, оставить ее за собой!

Признаюсь, любопытство овладело мной, когда я поглядывал туда, где, знал, не ступала нога белого человека. Что Дженкинс! Я сам не отказался бы теперь от нашего путешествия и от охоты на допотопных птиц. Оставшись втроем, мы осмотрели как следует ружья, уложили провизию и спустили челнок на воду. Мы плыли до самого вечера в ту сторону, где сближались горы и где можно было предполагать исток озера. Грести оказалось дьявольски трудно, течение было как раз нам навстречу; стоило бросить на минуту весло, чтобы челнок наш стало вертеть как игрушку. Когда садилось солнце, мы положительно выбились из сил. Мы вытащили челнок на берег и решили переночевать. Так продолжалось и еще один день, но на второй вечер мы начали приближаться к цели. Мы слышали теперь явственно шум водопада, озеро становилось все уже, впереди синело ущелье. Мы понимали, что с завтрашнего дня нам придется оставить челнок и плестись пешком вверх по течению горной речки, образовавшей в своем падении это озеро.

Мы спали у костра и дежурили по очереди из осторожности, хотя вы сами знаете, что на острове нет хищных зверей. Моя вахта была под утро. Костер погас, уже стало светать, когда я услышал вдали голоса. Я, впрочем, сейчас же понял, что то было курлыкание больших птиц. Странно раздавалось оно в утреннем тумане среди полной тишины. Я захотел приготовить сюрприз товарищам и решил не будить их. Я взял ружье и на брюхе пополз к повороту берега. В этом месте большие развесистые деревья склонялись к самой воде, и клочья тумана цеплялись за их ветки. Я выглянул и оторопел. Я никогда не видал страуса, а все-таки скажу вам, что каждая из тех птиц была в два раза выше него. Ноги у них были довольно короткие, толстые, мохнатые, туловища кургузые, покрытые густым черным пером. Но какова шея, поразился я, – как змея, изгибалась она и оканчивалась небольшой плоской головой с длинным торчащим вперед клю-

вом! И я помню еще, что глаза у них были обведены яркими красными кругами.

Их было четыре птицы. Стоя на песке и вытянув шею, они пили воду, а я держал ружье, но не решался выстрелить. Пожалуй, уже тогда у меня было предчувствие, что это не доведет нас до добра. Вы скажете просто, что я испугался, и я не буду с вами спорить. Сегодня я этого не стыжусь, а тогда мне стало вдруг стыдно. Они напились и начали уходить, как-то быстро-быстро ковыляя одна за другой, когда я выстрелил им вслед. Что тут поднялось, со всех сторон послышался их трубный крик необыкновенной силы, и у меня зашевелились волосы на голове при мысли о том, сколько здесь было кругом этих созданий, из которых каждое могло бы сбить с ног человека ударом лапы. Дженкинс и Том уже стояли подле меня с вытаращенными глазами, но крик умолкал, и гуси скрылись из вида.

Товарищи мои принялись травить меня. Я начал было рассказывать им, что видел. Дженкинс бросился рассматривать их следы на песке, а пьяница Том поднял меня же на смех. «Фильп испугался диких гусей», – говорил он. Мне самому было немного обидно, что я упустил дичь. «Э, дьявол», – подумал я и не стал их разубеждать.

Они оба точно сошли с ума от этого трубного крика на утренней заре и от наступившего затем молчания. Каждую минуту они прислушивались; Дженкинс бормотал что-то сквозь зубы и покачивал головой. Плыть дальше было нельзя, мы тащили челнок на плечах. Мы скоро оставили его, позаботившись спрятать его под навесом берега. Мы поднялись к водопаду, потом шли ущельем вдоль мелкой речки. Солнце палило, и все живое попряталось от его лучей. Гуси пропали, и Дженкинс не раз принимался меня бранить, укоряя, что я напрасно испугал [их]. «И сам испугался», – добавлял пьяница Том. Я отмалчивался и про себя думал, что мы еще увидим этих птиц больше, чем вдоволь.

К заходу солнца мы прошли почти что всю речку. Уже нам был виден конец ущелья. Нам не терпелось узнать, что там, дальше. Дженкинс торопил нас, но только когда уже настал вечер, потянулся туман, блеснул в небе серп месяца, мы вышли к топкой равнине. На нас подул ветер, неся запах болот. С ним долетело вдруг очень далекое, уже знакомое мне курлыкание. Мы прислушались, ждали. Все спало тихо, надо было переночевать. Еще по дороге заметили мы ряд пещер в скалах ущелья. Мы устроились в той из них, которая [была] крайней к выходу на равнину.

Мы разложили костер и поужинали с большим аппетитом. Я помню, что лежал, облокотясь, подле Тома и, смеясь, наблюдал, с каким блаженством собирается он глотнуть рома. Вдруг он уставился куда-то глазами и выронил из рук бутылку. Дженкинс глухо вскрикнул и потянулся к ружью. Обернув голову, я увидел, как у входа в пещеру качалась длинная змеиная шея. Птичья голова поднималась и опускалась, обведенные красными кругами глаза поглядывали на нас с любопытством. Все это продолжалось ровно одну минуту. Мы повскакали, но и голова, и шея, и сама птица – все вдруг исчезло. Могу вас уверить, что в ту ночь нам не пришлось уговаривать друг дружку нести вахту. Я задремал только под утро, но что это было за пробуждение!

Из болот вставало красное солнце, бесконечная луговина расстилалась перед нами, и, насколько хватало глаз, вся она была усеяна движущимися стаями огромных птиц. Стоял крик, от которого трещало в ушах. Оглушительнее не будут трубы архангелов в день Страшного Суда. Дженкинс мог быть теперь доволен: с гордостью сжимая ружье, смотрел он на это чудо неизвестной земли, на которое не было дозволено глядеть ни одному человеку.

Я заметил тогда очень странные вещи, и, если бы вы были со мной, вы не удивились бы тому, что я сейчас скажу: это была не охота, а война. Да, война, война птиц! Их было множество, но не воображайте, что они сбились в кучу или рассыпались в разные стороны, как стая испуганных куропаток. Они шли на нас стройными правильными рядами, где в две, а где в три линии, соблюдая интервал и держа равнение. То было птичье войско, и у него был предводитель. Я как сейчас вижу огромного гусака с двухэтажный дом ростом, который пробегал по рядам, красуясь красным на голове хохлом, которого я не видел у других птиц. Шеренги встречали его дружным курлыканьем. Вы полюбовались бы, глядя, как смело выскочил он вперед. Он подбежал, переваливаясь, шагов на двадцать к нашей пещере, вытянул вперед шею и только что не взмахнул крыльями, потому что крыльев совсем не было у этих достойных птиц. Но зашипел так, как шипит раздраженный гусь. Он объявлял нам войну!

Что же, мы ее приняли. Дженкинс выстрелил в него, и от волнения промахнулся. Ряды птиц уже бежали на нас, тогда и мы с Томом открыли пальбу. Кровь брызнула из змеиных шей и крепких густым пером покрытых туловищ. Мы свалили трех птиц, но гром и блеск наших выстрелов произвели еще большее действие. Птичье

войско смешалось и бежало от нас в беспорядке. Мы могли объявить победу.

Мы остерегались одного – сразу выйти из нашего убежища, хотя лежащая недалеко добыча и искушала Дженкинса. Я вызвался пойти на разведку. Я убедился в том, что и предполагал: их войско ушло, но оставило часовых, которые наблюдали за нами из отдаления. Мы были осаждены в пещере по всем правилам. Эти гуси, должно быть, немало воевали друг с другом и научились вести войну.

Не стану описывать вам нашей осады. Положение наше было незавидно: мы понимали, что будем уничтожены, как только выйдем из пещеры на открытое место. Все время мы видели вдаль часовых, всю ночь перекликались они между собой трубным звуком. На третий день вода и припасы у нас начали приходить к концу, птицы продолжали нас сторожить. Бедняга Том совсем упал духом с тех пор, как мы отобрали у него ром, чтобы сберечь на последний случай.

На четвертый день Дженкинс решил сделать вылазку. Я понимал, что мы пойдем на верную гибель, но не стал спорить. Не так же ли верно пропали бы мы и сидя в пещере? Мы дождались вечера, чтобы уйти еще засветло, но скрыться скорее в быстрых сумерках. Конечно, наш выход был сразу засечен проклятым гусиным глазом. Поднялась тревога, курлыканье часовых передавалось и повторялось по всей равнине. Я помню, что мы бежали к спасительному ущелью, но уже со всех сторон слышался тяжелый бег оперенных гигантов. Перед нами вскоре стала стена черных тел, [нрзб.]. Мы дали залп. Ряды птиц снова сомкнулись, они наступали.

Мы стреляли на таком близком расстоянии, что я слышал запах горелого мяса и жженого пера. Одни падали, но другие тянули к нам свои клювы. Я отрубил две головы моей короткой саблей. Я видел, как раскрывшийся клюв схватил Дженкинса выше локтя. Было уже поздно броситься ему на помощь. Когтистая лапа со страшной силой ударила его в грудь. Его гибель избавила нас. Все гуси столпились вокруг него с яростным шипением. В спустившейся темноте мы ускользнули, но ушли мы не дальше нашей прежней пещеры.

Мы должны были быть рады и этому. Да, конец приближался к нам, и новая осада могла длиться недолго, но мы решили сами покончить с собой лучше, чем пойти на растерзание к страшным птицам. В ту ночь они оставили нас в покое, а утром напали на нас. Им, видно, надоела медленная осада, или смерть Дженкинса прибавила им смелости. Они решили взять нас силой, а мы отбивались весь день, пока не истратили поч-

ти все патроны, навалив у входа в пещеру груды их тел. Настала ночь, они отхлынули, оставив всех своих часовых. Сделалось тихо, замирал вокруг нас крик их брошенных раненых.

Нам не надо было много говорить с Томом, чтобы решить, что делать. Мы знали, что конец придет на следующий день, и решили сами закончить дело ночью. Со дна бутылки мы вытянули по последнему глотку рома. Затем Том встал на колени и начал молиться, а я зарядил его ружье и свое и ждал. Но вот послушайте, что я скажу вам: Господь милостлив к матросам и пьяницам. Само небо вступилось за нас, да еще ночь. Видно, греха никакого не было в том, что мы забрались сюда, а если грешен был бедный Дженкинс, то он сам и поплатился за это. Я заметил вдруг, как вспыхнул свет. То была первая молния. Загремел гром, гроза приближалась. Том кончил молиться и плакал. Он взял ружье, а я взял его за руку и сказал: «Постой».

Не знаю, почему у меня вдруг появилась надежда. Я решил, что мы выскочим попытать счастья в самую грозу. Хлынул ливень, о котором

вы не имеете никакого понятия, сидя здесь. А мы в непрерывном свете молний, неумолкаемом ни на минуту [нрзб.], в грохоте сыпавшихся один за другим ударов, в крутящихся столбах воды выскочили вон из пещеры. Бурей и ливнем несло нас в ущелье, где мчалась теперь целая река. Мы не видали [нрзб.] и не слышали ни одной птицы. Мы бросили бесполезные в этом потоке ружья и кое-как цеплялись за камни, боясь, чтобы нас не унесло в водопад. Как видите, мы все-таки остались целы. Тот, кто проплавал всю жизнь, не боится воды ни под ногами, ни над головой. На утро мы отыскивали челнок под навесом скалы. Гроза пронеслась, мы переплыли вышедшее из берегов длинное озеро. Мы возвращались без Дженкинса, который погиб, как я описал вам это. Во всем, что я рассказал вам, нет ни слова неправды. Я не ошибся ни в чем, разве только в том, что несколько раз назвал гусями тех огромных птиц, которые так боялись воды.

П. Муратов. 25. I. 1923.

STORY “WAR OF THE BIRDS” BY P.P. MURATOV (preparation of the text, introductory remarks)

Tatiana N. Fominykh

Professor of Modern Russian Literature Department
Perm State Pedagogical University

The story written by P.P. Muratov "War of the birds" (1923) is published in this article for the first time. Historical and literary significance of the story is revealed through its correlation with the author's essays ("Foresight", 1922; "Anti-art" 1924, "Art and People", 1924). The revealed parallels allow to consider "War of the birds" in the aspect of the author's cultural and philosophical concepts, related to the fate of the post-European mankind. Conceptual relations between the published story and the story "Catching the Sirens" (1922) and the novel "Egeria" (1922) are established and examined by the author of the article. It is deduced that "War of the birds" is an unfairly forgotten work and a harmonious constituent of P.P. Muratov's creativity of the early 1920s.

Key words: P.P. Muratov; Essay Study; Philosophy of Culture; "War of the Birds"; story; autograph.